
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342.41

*М.Ю. Спири́н**

ДУАЛЬНАЯ ПРИРОДА КОНСТИТУЦИИ КАК СРЕДСТВА ОТРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ПРАВЕ

В статье устанавливаются особенности сущности конституции как высшего учредительного властного акта установления права (акта правотворчества) дуальной природы: акта идеологического (символического) и акта нормативного (формально-юридического). Производится анализ основных типов социальных интересов в национально-территориальном праве, отраженных в конституции.

Ключевые слова: конституция, социальный интерес, властное установление права, официальные и неофициальные интересы, идеологический и формально-юридический характер конституции, конституция как закон, конституирующее воздействие.

Отраженные нормами действующего права социальные интересы в первую очередь закрепляются в конституции как особом нормативном документе (писаном или неписаном с точки зрения своей природы и традиций соответствующего социального регулирования).

Подходя к вопросу определения конституции с позиции общей теории права, необходимо заявить о том, что конституция является *высшим учредительным властным установлением права* и одновременно выражается в существовании *документального акта такого правотворческого установления*. Логическая конструкция «конституция» обладает не только нормативно регулирующим, но и, главным образом, символическим (символизирующим) значением, различающимся в зависимости от типа субъекта, чьи принципиальные интересы и потребности отражают ее нормы: личность; социальная группа или организация; общество в целом; органы публичной власти («правительства» – по смыслу Декларации независимости США 1776 г. [1, с. 25]; государство; международное сообщество.

* © Спири́н М.Ю., 2016

Спири́н Михаил Юрьевич (smy@samaradom.ru), кафедра теории и истории государства и права; международного права, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Совмещая и комбинируя принципиальные интересы различных типов субъектов социального взаимодействия в рамках своей идеи и выражающем ее тексте, конституция выступает в качестве своеобразного «охладителя» разнородных интересов и потребностей членов цивилизованного общества.

При этом конституция традиционно обладает двумя типами значения: идеологическим (которое определяет существование социальной, материальной, фактической конституции общества) и формально-юридическим (обозначающим формальную, юридическую конституцию) [2, с. 48, 52–54]. В первом случае проявляется отражение самой социальной структуры, важнейших общественных процессов и типов социального взаимодействия. Вследствие этого данный тип значения определяет конституцию как *social constitution (die Verfassung)*. Во втором смысле перед нами актуальный политико-нормативный документ, обладающий определенной структурой выраженных в нем социальных интересов, которые закрепляются конкретными нормативными предписаниями такой конституции, как *legal constitution (das Grundgesetz)*.

По аналогии с известной мыслью С.А. Муромцева о природе юридических отношений можно определить соответствующие типы значения конституции двумя основными группами социальных интересов: интересы неофициальные (абстрактные) и интересы официальные, или закрепляющие (подтверждающие, охраняющие, то есть собственно *конституирующие*) [3, с. 87, 91–94]. Вторая группа интересов в праве, выраженная непосредственно нормативными предписаниями конституции, представляет собой определенное промежуточное звено между абстрактными социальными интересами различных и значительных по своему объему общественных групп и собственно нормативным текстом конституции как документа.

Абстрактные (общие) социальные интересы являются необходимым условием для закрепления их *summa sumptum* в средствах выражения интересов официальных, и конституция в этом смысле — яркий пример высшего средства такого учредительного закрепления интересов в праве.

Первоначальные варианты выражения квинтэссенции абстрактных социальных интересов в нормативном документе обнаруживаются при исследовании легендарных основных установлений полисов Древней Греции (афинские законы Солона, Клисфена, Эфиальта и т. п.) [4, с. 61–64]. В более позднюю античную эпоху яркими иллюстрациями образа и корпуса современной конституции становятся императорские конституции Рима эпохи принципата (*constitutiones principum*). При этом термин *constitutio* использовался для комплексного обозначения системы эдиктов (постановлений общего характера), декретов (судебных решений по апелляции) и рескриптов императоров (решений казусов или ответов на вопросы) [5, с. 54–72; 6, с. 134; 7, с. 40]; характерным ранним примером такой «комплексной» конституции была *Constitutio Antoniniana* 212 г. В более поздний период домината основой структуры римских конституций становятся исключительно императорские эдикты.

При анализе природы императорских конституций Древнего Рима особое внимание следует обратить на важное замечание Д.В. Дождева, характеризующего конституцию римского императора как акт формата *ius* (созданное, «провозглашенное» право) и одновременно как первичный источник римского позитивного права в отличие от природы и значения актов иных магистратов, которые могли издаваться только в концепте *lex* («вторичное» право): акты курульных эдилов, преторские акты и т. п. [6, с. 133–134].

Объединение действующих императорских конституций на определенном этапе развития позднего римского права привело к возникновению категории «кодекс» («кодекс конституций»): *codex Gregorianus*, *codex Hermogenianus*, *codex Theodosianus* etc. Самая известная попытка максимального объединения конституций характерна для VI века и выражена в знаменитой Кодификации Юстиниана, особое место в

которой занял Codex repetitae praelectionis 534 г. в 12 книгах, поделенных на титулы с излагавшейся внутри них нормативной (конституирующей) информацией по хронологическому принципу. Данный кодекс (наиболее известный по Веронской рукописи VIII в.), входивший в состав Corpus iuris civilis в качестве важной составной части, практически сразу же был дополнен конституциями самого императора Юстиниана в 535–565 гг. (Novellae constitutiones).

Современные, закрепляющие в своем юридическом тексте социальную реальность (фактически – интересы в праве различных социальных групп), документы конституируют не столько саму по себе волю суверена-принцепса, сколько суверенитет новых типов государства как форм организации общества. Показательными в этом отношении являются конституции Республики Южный Судан 2011 г. и Арабской Республики Египет 2012 г. как самые свежие опыты конституционного отражения и закрепления основных социальных интересов.

Тем самым конституция приобретает все более абстрактное и нормативно-устанавливающее значение в системах как формально-правовой, так и общесоциальной регламентации общественных отношений.

Идеологический (символический) характер конституции как первичного источника права определяется отражением глобальной общественной идеи, основных групп потребностей в правовом регулировании социальных отношений, закреплении важнейших универсальных принципов права, законных интересов, субъективных прав и юридически значимых обязанностей лиц для реализации ими общерегулятивных (базовых) правоотношений [8, с. 510–511]. Следовательно, в первом значении конституция выступает в качестве идеологического (неформального) источника права.

В этом смысле конституция отражает многочисленные, разрозненные социальные интересы для стабилизации общественной жизни и определения единого порядка различного рода общественных взаимодействий.

Как раз здесь следует согласиться с классическим высказыванием Фердинанда Лассаля («О сущности конституции» – «Über Verfassungswesen», 1862): «действительная конституция – это фактическое соотношение сил, существующих в стране... выражение реальных соотношений общественных сил» [2, с. 53], ergo, выражение фактически проявляемых сопряженных интересов этих взаимодействующих сил. Несмотря на особое значение экономических интересов этих общественных сил, представляется, что уход в сторону классовой сущности конституции, предпринятый В.И. Лениным на основе этой глубокой мысли Лассаля [9, с. 345], был с теоретико-правовой точки зрения ошибочным.

Именно отражение фактического соотношения сопряженных социальных интересов в праве и основных общественных сил определяет проблематику реальных и фиктивных конституций. В этом смысле устанавливаемый уровень конституционной фиктивности как зеркало отображает степень деформации общественного восприятия основных регулятивных функций самой конституции и закрепления интересов различных социальных групп в нормативных предписаниях этой Конституции.

Конституция также служит важным связующим звеном между собственно политическими (идеологическими) и формально-юридическими источниками социального регулирования, являясь одновременно источником как одного, так и другого типа, что становится причиной возникновения известной методологической проблемы определения ее регулятивных и императивных свойств.

Иначе говоря: является ли Конституция законом? Следует ли считать ее лишь «телом» документа (corpus constitutionis) либо необходимо одновременно воспринимать конституцию в двух смыслах: 1) тела и одновременно выраженного в нем 2) духа документа (corpus et anima constitutionis)?

Поскольку любая, даже фиктивная, конституция является знаковым средством отражения двух типов интересов (общесоциальных и официально-властных), она не

может рассматриваться только как закон. Следовательно, конституция как на идеологическом, так и на формально-юридическом уровнях граничит с системой неправовых социальных регуляторов, изменяя свои внешние очертания и внутреннюю структуру под влиянием объективных процессов внеправового характера.

Однако в то же время нельзя отказывать писаной конституции как формализованному документу в статусе закона с присущими этому закону юридической силой и прямым действием.

Формально-юридический характер конституции заключается в ее статусе как нормативного правового акта (закона) наивысшей юридической силы, предписания которого, имея прямое действие, *ipso facto* непосредственно регулируют соответствующие общественные отношения, содержанием которых становятся наиболее принципиальные корреспондирующие права и обязанности субъектов политической, экономической и социально-культурной систем общества, вытекающие из осознанных и закрепленных правовыми средствами социальных интересов.

Итак, конституция в традиционном (формальном) смысле представляет собой особый вид закона общества и государства (см., например, термин «Верховный закон», закрепленный ст. 98 конституции Японии 1947 г.), который имеет тройное значение:

а) конституция субъекта Федерации (п. 2 ст. 5 конституции РФ 1993 г., конституции федеральных земель Германии и Австрии, кантонов Швейцарии, штатов США);

б) конституция отдельного суверенного государства, которая имеет повышенное символично-идеологическое значение и, по сути, является формой решения вопроса международно-правового признания суверенитета соответствующего государства;

в) конституция надгосударственного объединения, ярким современным примером которой выступает комплексная «договорная» Конституция Европейского Союза в редакции Лиссабонского договора 2007 г. [10, с. 35–37, 59–95]

В каждой из этих трех ситуаций конституция отражает и выражает определенный набор и одновременно уровень интересов и притязаний соответствующих социальных групп.

Анализируя конституцию как формальный акт, определяющий основы суверенности народа и государства, необходимо на примере действующей Конституции РФ выделить принципиальные ее части, в которых отражаются значимые социальные интересы в праве. К ним стоит отнести:

1) преамбулу, которая патетически выражает основные общесоциальные интересы;

2) основы конституционного строя (глава 1 Конституции РФ) и основы правового статуса личности (глава 2 Конституции РФ), определяющие сами социальные интересы и порядок их реализации посредством использования формально-юридических дефиниций и ссылок на принципы права.

В то же время нельзя сказать о какой-либо принципиальной оригинальности такого структурного построения выраженности социальных интересов, поскольку основа такого построения в свое время уже была определена действующей Конституцией США 1787 г.: преамбула, поправки I–X (Билль о правах 1791 г.), XIX (1920 г.) и XXVI (1971 г.).

Таким же образом выстроена структура отражения интересов социума в более поздней Конституции американского штата Иллинойс 1970 г.: преамбула и статья I (Билль о правах), состоящая из 24 разделов [1, с. 98–102].

Одна из новейших конституций мира – переходная (transitional) Конституция Республики Южный Судан 2011 г., по сути, также повторяет данную структуру выражения интересов и притязаний общества: преамбула, часть 2 (Билль о правах) и главы I и II части 3.

Тем самым проявляется сложившийся в перечислении социальных интересов определенный символизм конституции, начало которого заключается в сформирован-

ной идее наивысшего властного установления права и который подчиняется при этом соответствующему типу политической и правовой традиции общества.

Следовательно, конституции реципируют идеи и социальные ценности, отражая определенный порядок расположения социальных интересов в праве, который во многих случаях является схожим.

Конституция также обладает и официозным значением, что определяется ее природой формально-юридического (производного) источника права как вершины пирамиды нормативного регулирования общественных отношений, которая естественно и закономерно вырастает из системы осознанных интересов и потребностей в конституционно-правовом закреплении важнейших социальных ценностей и механизмов их защиты.

Подводя некоторые итоги размышлений о способах выражения основных социальных интересов в идее (концепции) и корпусе конституции, можно прийти к определенным выводам:

1) конституция, являясь как идеологической, так и нормативной (формально-юридической) вершиной правовой системы общества, определяется огромной массой не-систематизированных интересов в социальном основании этой системы и одновременно, оказывает на эту систему официально выраженное конституирующее («охлаждающее») воздействие;

Именно в этом значении конституция являет собой своеобразный «cooler» сосуществования разновеликих общественных групп, их интересов и потребностей, а также типов отношений между ними;

2) существует исторически перманентное, объективное стремление общества к конституции как в форме глобальной устанавливающей идеи, так и в качестве закрепляющего эту идею документа. Конституция становится формально-юридической константой общественного правосознания и определенным показателем уровня его развития, выражая стремление к постоянству общественных интересов и связей, к устойчивости и предсказуемости развития общественных институтов;

3) конституция выступает в качестве важного фактора цивилизованности, стабильности и сбалансированного развития самой социальной системы (в том числе системы выраженных в ней социальных интересов), что дает возможность обществу подниматься на новые ступени своей эволюции.

Библиографический список

1. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / пер. с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993. 768 с.
2. Беспалый И.Т., Полянский В.В. Государственное право Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 492 с.
3. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М.: Типография А.И. Мамонтова, Леонтьевский пер., 5, 1879. 246 с.
4. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М.: Юрист, 1996. 576 с.
5. Кипп Т. История источников римского права / пер. с нем. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 160 с.
6. Дождев Д.В. Римское частное право. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2013. 784 с.
7. Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Волтерс Клувер, 2010. 608 с.
8. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2012. 640 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 17. 680 с.
10. Дерябина Е.М. Источники права Европейского Союза: теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 136 с.

References

1. Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstitutsiia i zakonodatel'nye akty. Per. s angl [United States of America: the Constitution and legislative acts]. Transl. from English. M.: Progress, Univers, 1993, 768 p. [in Russian].
2. Bespalyi I.T., Polyanskyi V.V. Gosudarstvennoe pravo Rossiiskoi Federatsii. 3-e izd., pererab. i dop [State law of the Russian Federation. 3rd ed., revised and enlarged]. Samara: Izd-vo "Samarskii universitet", 2009, 492 p. [in Russian]
3. Muromtsev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava [Definition and main division of law]. M.: Tipografiia A.I. Mamontova, Leont'evskii per., 5, 1879, 246 p. [in Russian]
4. Tchernilovskiy Z.M. Vseobshchaia istoriia gosudarstva i prava [Universal history of state and law]. M.: Iurist", 1996, 576 p. [in Russian].
5. Kipp T. Istoriia istochnikov rimskogo prava. Per. s nem. Izd. 2-e [The history of the Roman law's sources]. Transl. from German. 2nd ed. M.: LENAND, 2016, 160 p. [in Russian].
6. Dozhdev D.V. Rimskoe chastnoe pravo. 3-e izd., ispr. i dop. [Roman private law. 3rd ed., revised and enlarged]. M.: Norma, 2013, 784 p. [in Russian]
7. Rimskoe chastnoe pravo. Pod red. I.B. Novitskogo, I.S. Pereterskogo [Roman private law]. I.B. Novitsky, I.S. Pereterskiy (Eds.). M.: Volters Kluver, 2010, 608 p. [in Russian].
8. Teoriia gosudarstva i prava: kurs lektsii. Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. 3-e izd., pererab. i dop [Theory of state and law: lecture course]. N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko (Eds.). 3rd ed., revised and enlarged. M.: Norma, 2012, 640 p. [in Russian].
9. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. Izd. 5-e. [Complete works. 5th ed.]. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1968, Vol. 17, 680 p. [in Russian].
10. Deryabina E.M. Istochniki prava Evropeiskogo Soiuz: teoretiko-pravovoe issledovanie [Sources of European Union's law: theoretical and legal study]. M.: Prospekt, 2016, 136 p. [in Russian].

*M. Yu. Spirin****DUAL NATURE OF THE CONSTITUTION AS A SOURCE OF SOCIAL INTERESTS' EXPRESSION IN THE NATIONAL LAW**

The article defines features of the Constitution's essence as a supreme authoritative act for law-making with dual nature: ideological (symbolic) act and normative (formal-legal) act. Then the main types of social interests in national and spatial law expressed in the Constitution are analyzed.

Key words: the Constitution, social interest, authoritative act for law-making, official and unofficial interests, ideological and formal-legal nature of the Constitution, the Constitution as a statute, constitutive effect.

* *Spirin Mikhail Yurievich (smy@samaradom.ru)*, Department of Theory and History of State and Law; International Law, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.